
КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Н.К. Радина

В статье рассматривается влияние современной российской нормативно-правовой базы в области охраны детства на формирование отношений собственности социальных сирот, на их доступ к культурному капиталу региона проживания и другие проблемы личностного и социального развития. Дискутируются вопросы о необходимости сотрудничества психологов и лиц, отвечающих за сохранение прав социальных сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, экспертиза, права детей, последствия реализации права, психологическое сопровождение, социальная защита детей-сирот

Процесс социализации детей, особенно детей из так называемой «группы риска», все активнее привлекает к себе внимание исследователей [Байбородова, Жедунова и др., 1997; Зарецкий, Дубровская и др., 2002; Назарова, 2000]. Культуру в этом контексте относят к агентам социализации, не рассматривая, однако, нормативно-правовое пространство как структурный компонент культуры [Белинская, Тихомандрицкая, 2001]. Тем не менее, например, в случае детей, воспитывающихся без семьи, российская государственная нормативно-правовая база непосредственно регулирует направление их личностного и социального развития.

Каждое государство с целью решения социальных проблем вырабатывает соответствующую нормативную базу, которая, с одной стороны, своеобразно отражает потребности тех или иных групп, а с другой –

Данная работа является частью индивидуального исследовательского проекта № 02-73270 Фонда К. и Дж. Макартуров.

2) Выявление характера и степени воздействия проекта на имеющиеся в виду объекты и системы.

3) Оценка по расходам соответствующих финансовых систем (бюджеты, фонды).

4) Оценка прямых, а если возможно, то и косвенных, последствий реализации законопроекта для групп населения.

5) Формирование суждения о допустимости принятия законопроекта (программы) – одобрение, переработка, полное отклонение [Ржаницина, 2002. С. 45].

Л.С. Ржаницина сформулировала данные положения, исходя из задач экономического анализа. Поскольку нами используется иная форма экспертизы – психолого-педагогическая – мы включаем в наш круг задач определение возможностей психолого-педагогического сопровождения для смягчения неблагоприятных последствий реализации нормативных актов по отношению к социальным сиротам.

В России основными законодательными актами, обеспечивающими защиту прав детей, оставшихся без попечения родителей, является Семейный кодекс РФ, принятый Государственной думой 8 декабря 1995 года, включающий раздел «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Перечисленные законы создают правовую основу системы государственного обеспечения детей, оставшихся без попечения родителей. Эта система включает совокупность норм, гарантирующих соблюдение прав детей, оставшихся без попечения родителей, специальные организованные структуры. Совокупность норм, гарантирующих соблюдение прав детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривает меры по защите жилищных прав детей, по их материальному обеспечению, по реализации прав на получение общего и профессионального образования, прав на трудоустройство и др.

Существующее законодательство в соответствии с Конвенцией о правах ребенка предусматривает различные формы устройства детей, оказавшихся без попечения родителей: усыновление / удочерение, установление опеки или попечительства, передача на воспитание в приемную семью, передача на воспитание в специальные учреждения для данной категории детей и др. Законодательство предусматривает создание особых структур, функцией которых является защита прав детей, оставшихся без попечения родителей. Это органы опеки и попечительства, а также воспитательные, лечебные и другие учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей.

Органы опеки и попечительства призваны выявлять детей, нуждающихся в защите их прав, ведут учет, избирают формы их устройства, осуществляют последующий контроль за условиями их содержания, воспитания и обра-

зования. Данная законодательная база была создана на основе ключевых принципов Конвенции о правах ребенка, принятой мировым сообществом в 1990 году. Первоочередными среди важнейших прав детей в ней названы: право ребенка на семью и нормальные условия для полноценного умственного, физического и духовного развития.

В настоящий момент существует ряд сборников нормативно-правовых документов для регламентации деятельности интернатных учреждений [Социальная защита детства, 1998; Семья, Боровик и др., 2002]. Поскольку цель экспертизы в данном случае – проанализировать нормативные документы, непосредственно связанные с социальной защитой детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проанализируем несколько документов, которые имеют особый вес в правовом урегулировании данной категории населения.

**Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»
(в редакции Федерального закона от 07.08.00 № 122-ФЗ)**

Содержание документа. В данном документе вводится категория «дети, лишенные родительского попечительства», а также выделяются признаки определения данной категории. Описывается, в каких формах существует социальная защита данной группы детей, кто обеспечивает исполнение и финансирование социальной защиты. Определяются все формы получения бесплатного образования (от начального до высшего профессионального), описываются другие формы социальной поддержки (получение одежды и обуви в соответствии с заявленными нормами, выплата повышенной стипендии и зарплаты во время производственной практики, получение пособия на питание, бесплатный проезд, бесплатное медицинское обслуживание).

Также данный документ описывает права ребенка, лишенного родительского попечительства, на жилье родителей, получение вне общей очереди ссуды на жилье и т. п. Кроме того, здесь же оговариваются более специальные вопросы, такие, как закрепление за ребенком, лишенным родительского попечительства, права собственности родителей на землю, а также налоговые льготы предприятиям, трудоустраивающим социальных сирот, рассматривается возможность судебной защиты своих прав детьми, лишенными родительского попечительства.

Таким образом, закон определяет зону правовой ответственности государства по отношению к ребенку, лишенному родительского попечительства, чьи права на собственность, образование, труд не могут быть сохранены без государственной поддержки. Если при наличии семьи основное бремя ответ-

ственности за соблюдением прав ребенка лежит на родителях, то в ситуации внесемейного воспитания охрана прав делегируется специальным государственным органам (отделам опеки и попечительства структур государственного образования) и специалистам (юристам и социальным работникам образовательных учреждений сиротского типа).

Последствия реализации права для развития ребенка. Без сомнения, документы, гарантирующие социальную защиту незащищенных категорий населения, в том числе и социальную защиту детей, оставшихся без попечения родителей, являются прогрессивным шагом на пути становления социального государства. Кроме того, в отношении детей без семьи государство фактически берет на себя «родительскую» функцию: именно родители в обычной ситуации помогают детям в процессе становления, получения профессионального образования и подготовки ко «взрослой» жизни. «Культурный капитал» (образование) в сочетании с экономическим капиталом (имущество, деньги) становится надежной основой для построения карьеры и создания семьи: через «наследство» родители фактически воспроизводят общепринятые модели конструирования жизни [Ильин, 2000].

При этом образование может быть весьма «затратной» статьёй. Например, в том случае, если бы молодой человек самостоятельно брал ссуду на образование (платное) и возвращал долг в течение жизни, то быть образованным на платной основе на сегодняшний день стало бы невыгодно, особенно если речь идет о девушке (вследствие более низкой заработной платы женщин) [Баскакова, 2002].

Таким образом, семья для «своего» ребенка, как и государство для ребенка, лишенного семьи, является субъектом финансирования этапа социализации, непосредственно связанного с выходом в социум. Однако есть принципиальные различия в том, как осуществляется и воспринимается финансирование «выхода в самостоятельную жизнь» семьей и государством.

Во-первых, в семье этот процесс всегда персонифицирован. Это означает, что ребенок, как правило, может назвать лицо / лица, осуществляющее финансирование его первых самостоятельных шагов. Реакция по отношению к данным лицам может носить различный характер, но факт персонифицированной помощи – неотъемлемый факт истории молодого человека из семьи. Во-вторых, это процесс, связанный с установлением соглашений, что также способствует успешной социализации. В-третьих, это «плавный» процесс: родители на протяжении нескольких лет обсуждают будущую взрослость, поддерживают и развивают социальные навыки, демонстрируют собственным примером, как осуществляются планы. Таким образом, различные психологические механизмы обеспечивают конструктивный характер восприятия социальной поддержки ребенком, воспитанным в семье.

Воспитанник интернатного учреждения получает «невидимую» помощь, не представленную в «живых деньгах» (например, при бесплатном проезде, деньги в данном случае не фигурируют), или «видимую» (повышенная стипендия) финансовую поддержку от «абстрактного» государства, которому «ничем не обязан». Эта поддержка обеспечена законодательством, поэтому не надо «стараться», чтобы получить ее (не надо вступать в соглашения). Кроме того, эта поддержка не встроена в процесс инкультурации выпускника интернатного учреждения.

Анализируя связь «экономического» и «психологического», обратимся к тем психологическим исследованиям, которые помогут нам понять, как влияют на воспитанников детских домов деперсонифицированные «государственные» деньги. Р. Линном было установлено, что отношение людей к деньгам (ценность денег, сохранение денег) связано с экономическим развитием страны, а степень ценности денег для людей влияет на экономический рост государства [Lynn, 1991].

Аналогичные исследования в России в период социально-экономических реформ провела О.С. Дейнека, что подтвердило выдвинутые ранее положения, согласно которым усиление мотива сбережения позитивно характеризует экономическое сознание граждан, а неумение сдерживать потребности типично для психологии бедных. На основе своих исследований О.С. Дейнека утверждает, что оторванность денег от производства вызывает характерные деформации в экономическом сознании населения: «Когда в деньгах минимизирована или и вовсе потеряна доля реального (производящего) труда, тогда доминирует представление о них, как о явлении, которое порождает самое себя» [Дейнека, 2000. С. 455].

Психологическими последствиями «оторванности денег» являются:

- вера в случай, удачу, мгновенное обогащение, финансовые игры;
- избыточная потребительская активность (трата денег) и сниженный финансовый контроль;
- усиление ощущения непредсказуемости будущего и ощущения безысходности.

Таким образом, «государственные деньги» приходят к воспитанникам детских домов от абстрактного источника (деперсонализированы), «оторваны» от реальной жизненной практики. Воспитанники детских домов ожидают этой поддержки, зачастую не рассчитывая на собственные умения, поэтому и в исследованиях, и в реальной практике можно найти ссылки на иждивенчество выпускников детских домов.

Проблема разноречивости статистических данных о жизни выпускников, как и проблемы потери имущества выпускниками детских домов (выпускники становятся жертвами махинаций с недвижимостью), их открытость и доверчивость по отношению к преступным лицам обсуждаются сегодня экспертами [см.: Лебедев, Майоров и др., 2002].

Про имущество воспитанников детских домов персонал этих учреждений говорит: *«Как пришло, так и ушло»*, – подчеркивая нерациональность детдомовцев, неумение быть бережливыми и расчетливыми (из бесед автора с сотрудниками детских домов и интернатов в 2000–2003 годах). Важно, что помощь государства, которая предназначена для обеспечения оптимальной экономической социализации выпускников, оказывается неэффективной из-за того, что не учитываются психологические аспекты процесса финансирования и материальной поддержки детей, лишенных попечения родителей.

Кроме проблемы отношения к «государственным» деньгам, которые призваны обеспечить минимальный уровень выживания воспитанников интернатных учреждений, есть еще один аспект, который также затрагивается в рамках данного документа и одновременно является серьезной проблемой в практике специалистов, работающих с детьми. Речь идет о родительском имуществе, например квартирах, которые закрепляются за детьми, лишенными родительского попечительства, после судебного разбирательства и лишения родителей прав на детей. Квартира и другое имущество после совершеннолетия и выхода из детского дома или интерната возвращается ребенку, что нередко не только не улучшает, но и ухудшает положение выпускника интернатного учреждения.

С правовой точки зрения нет противоречий: сохраняется семейное наследование имущества. Но есть сложности другого порядка. Во-первых, проблема заключается в том, что в интернатные учреждения дети приходят из асоциальной среды. При этом данная асоциальная среда не должна быть рассмотрена абстрактно: это круг знакомых и / или родственников, которые определенным образом организуют жизненное пространство, в том числе материальное пространство. Если провести небольшой эксперимент и пройтись по квартирам, которые были возвращены выпускникам интернатных учреждений, то обнаружится, что это, как правило, плохое жилье (например, коммунальные квартиры в старых домах), разбитое и убогое имущество (из опыта обследования автором в 1989–1993 годах жилья выпускников в составе специальной комиссии – *Н.Р.*). На «закрепленной» площади проживают все те же родственники, подчас ведущие асоциальный образ жизни, и самостоятельная жизнь выпускника детского дома или интерната в таких условиях предполагает борьбу и немалые усилия для принципиального изменения этого физического и социального пространства, построения принципиально иного будущего. У многих выпускников бывает недостаточно сил, чтобы преодолеть инерцию сложившейся по месту их жительства социальной среды.

Во-вторых, возвращение на прежнее место жительства, прежде всего в тех случаях, когда жилплощадь свободна от лиц, ведущих асоциальный образ жизни, это еще и встреча со своим прошлым, которая также требует

определенной готовности. Речь идет о психологических и социальных проблемах. С одной стороны, юноша / девушка сталкивается с определенной историей своей семьи, представленной в вещах и поступках (как правило, это семьи с низким социальным статусом, бедные), «примеряя на себя» историю семьи как ее наследник / наследница (продолжатель / продолжательница). С другой стороны, это пространство может быть наполнено негативными переживаниями, связанными с детским опытом домашнего насилия и другими детскими травмами.

Не случайно дети, выросшие в неблагополучных семьях (но не в детских домах) и изменившие в своей жизни «семейный сценарий», стараются покинуть прежнее место жительства, «родительское гнездо», избегая не только сложных и обременительных родственных уз (трансформируют свои «социальные сети»), но и драматических детских воспоминаний. Возвращая при достижении совершеннолетия детям, лишенным родительского попечительства, имущество родителей, государство кроме небогатой собственности возвращает им тяжкий психологический груз, сопровождающий эту собственность.

Таким образом, даже конкретная материальная помощь социальным сиротам (пособия, льготы, как и сохранение прав на имущество родителей) может оказаться неэффективной, если процесс передачи этой помощи не продуман в аспектах психологических и социальных последствий для выпускника интерната. В тех случаях, когда речь идет о «нестандартных ситуациях», к которым мы относим процесс социализации и адаптации в широком социуме воспитанников закрытых детских учреждений, проблемы не решаются естественным путем, «автоматически», их решение требует комплексной рефлексии и пошагового планирования, сопровождения в лице квалифицированных психологов, социальных педагогов или специалистов социальной работы.

Рассмотрим другие документы, связанные с социальной защитой детей, оставшихся без попечения родителей.

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998)

Содержание документа. Данный документ представляет собой определение понятий, отношений, целей и полномочий органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ в контексте прав ребенка, принятых в Российской Федерации на основе Конвенции о правах ребенка, признанной мировым сообществом [Конвенция... 2001].

Здесь признается право содействия в реализации прав и интересов ребенка со стороны родителей, специалистов как государственных, так и негосударственных служб (некоммерческих организаций – НКО). Уста-

навливаются государственные минимальные социальные стандарты основных показателей качества жизни детей (доступность образования, медицинского и социального обслуживания, права на жилье и организацию отдыха). Признаются региональные различия в реализации права на минимальные социальные стандарты, что согласуется с различиями в их оценке. Учитывается возможность дисциплинарных расследований деятельности работников образовательных учреждений, нарушающих права ребенка. Рассматривается возможность защиты отдельных прав (например, прав в сфере профориентационной работы, а также права на отдых), защиты от пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию ребенка.

В этом документе без конкретизации формулируется необходимость защиты прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Однако, поскольку нет описания этой ситуации, по контексту можно лишь догадываться, что имеется в виду, – возможно, домашнее насилие или нахождение ребенка / подростка в местах лишения свободы в результате наказания за правонарушения. Подчеркивается, что наказание должно быть проведено с учетом возраста и социального положения ребенка.

В документе утверждается государственная поддержка общественных объединений, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов детей, определяется наличие государственного заказа на производство товаров и оказание услуг для детей, наличие целевых программ, а также возможность финансирования мероприятий по реализации государственной политики в интересах детей. Кроме того, данный документ утверждает необходимость подготовки ежегодного государственного доклада о положении детей в Российской Федерации и гарантии исполнения настоящего закона.

Последствия реализации права для развития ребенка. Данный документ, как представляется, требует отдельного исследования, поэтому мы остановимся лишь на некоторых его положениях. Потенциально важные выводы могут быть получены в результате социально-экономической экспертизы понятия «региональные различия», необходимой для того, чтобы оценить факты относительно региональных различий.

Речь идет о проблеме воспроизводства социальной стратификации в контексте образования, которая закрепляется в «региональной специфике» [Ильин, 2000]. Это и дихотомия город / деревня, которая в судьбах людей проявляется на уровне бедственного социально-экономического положения социальной сферы в сельской местности, и дихотомия регион-донор / регион-реципиент (существуют социологические исследования, согласно которым у городских детских домов, например, выше возможности по привлечению помощи спонсоров) [Назарова, 2000].

К сожалению, на современном этапе развития отечественной психологии недостаточно эмпирических исследований, которые показали бы, как происходит развитие личности в условиях чрезвычайной бедности, когда ребенок депривирован от возможности удовлетворения витальных потребностей. Таким образом, читая положения о региональной специфике в социальной защите детей, оставшихся без семьи, «глазами» психологов и педагогов, необходимо признавать наличие экономического неравенства, которое влечет за собой негативные социальные и психологические последствия.

Следующий важный момент, на котором мы хотели бы остановиться при экспертизе данного документа, – защита ребенка от пропаганды и агитации, наносящих вред здоровью, нравственному и духовному развитию. За все время со дня принятия данного закона не было инициировано ни одного «громкого процесса» на основе исполнения данного закона ни со стороны государственных структур, ни со стороны институтов гражданского общества.

Это не означает, что в Российской Федерации не существует пропаганды и агитации, наносящих вред ребенку. Так, например, движение против аборт, активизировавшееся весной 2003 года, в своей агитации активно использовало плакат, наносящий психологический ущерб детям (плакаты были расклеены в общественных местах, например в вагонах электричек московского метрополитена, на плакате был изображен младенец с «разбитой» головой), и это не вызвало сколько-нибудь заметной реакции у организаций, стоящих на защите прав ребенка.

Декларативность в защите прав детей со стороны негосударственных правозащитных организаций, на наш взгляд, во многом обусловлена спецификой развития общественных объединений, у которых пока что недостаточно опыта политического лоббирования общественных интересов. Уставшее от социалистических экспериментов население (около 40 % из них когда-то являлись членами общественных организаций, контролируемых государством), не готовое в настоящий момент к общественной активности (только около 20 % опрошенных в конце 1990-х годов признают, что хотели бы участвовать в деятельности НКО), оно скептически настроено по отношению к НКО (около половины считают их «ручными» по отношению к власти и даже коррумпированными) [Якимец, 1999].

Некоторые исследователи объясняют это тем, что «правовой характер» общественного сознания, присущий европейскому типу менталитета, не соответствует «российской ментальности» [Бороноев, Смирнов, 2000]. Возможно поэтому граждане Российской Федерации не предпринимают собственных усилий в защите прав, а ожидают исполнения законов от государства. То есть избегание отстаивания своих прав со стороны гражданского общества, вероятно, обусловлено следующим:

- спецификой развития сознания населения, отличающего представления о явлении от общественной практики / активности;
- пассивностью большинства людей относительно решения общественных проблем, что выражается, например, в неразвитости гражданского общества;
- а также, по нашему мнению, недостаточно развитой социальной идентичностью российских граждан, на основе которой строятся социальные солидарности и проявляется социальная активность [Радина, 2002].

Со своей стороны, государственные организации отстаивают права детей в судебном порядке, как правило, лишь в тех случаях, когда присутствует непосредственная угроза жизни ребенка. Так, в 2003 году в Нижегородской области по фактам жестокого обращения родителей с детьми было возбуждено 28 уголовных дел, 24 родителя были осуждены, что в 2 раза превышает прошлогодние показатели [Кидис, 2004]. При этом суды выдвигают высокие требования к качеству материалов, собираемых инспекторами по делам несовершеннолетних, поэтому по итогам этого года была удовлетворена только половина запросов о лишении родителей прав на детей. Таким образом, на практике законодательное утверждение права требует дополнительной активности, инициативы со стороны как государственных структур, так и институтов гражданского общества.

Следующий документ, выбранный для экспертизы, также обеспечивает правовое поле социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей.

Семейный кодекс Российской Федерации (1995)

Содержание документа. Семейный кодекс регулирует правовые отношения в контексте семьи, поэтому и необходима экспертиза, которая позволит предугадать последствия реализации права, представленного в данном документе. Мы остановимся лишь на некоторых статьях Семейного кодекса РФ, имеющих самое непосредственное отношение к проблемам детей, оставшихся без родительского попечительства.

Статья 69 определяет условия, при которых родители лишаются родительских прав. Статья 70 определяет порядок лишения родительских прав (судебный, с участием прокурора и органа опеки), а в статье 71 описываются последствия лишения родительских прав (потеря всех прав на факте родства с ребенком, в том числе на льготы и госпособия, при этом сохраняя обязанность содержать ребенка). Статья 77 Семейного кодекса РФ описывает условия, когда ребенка забирают из семьи: это случается при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка (немедленное отбирание ребенка производится органом опеки и попечительства на основании соответствующего акта органов местного самоуправления с уве-

домлением прокурора). В статье 121 представляется защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей (органами опеки). В статье 124 оговариваются условия, а в 129 статье – порядок усыновления / удочерения. Статья 139 охраняет тайну усыновления / удочерения. Кроме того, ряд статей оговаривают условия передачи на воспитание в приемную семью ребенка, лишённого биологических родителей (например, вводится условие, согласно которому у ребенка старше 10 лет спрашивают согласие жить с приемными родителями).

Существует целый ряд документов, которые так или иначе затрагивают правовое семейное пространство. Конвенция ООН о правах ребенка, как и Семейный кодекс РФ – не исключение. Рассмотрим как одно и то же явление разбирается в Семейном кодексе РФ и Конвенции ООН о правах ребенка. Статья 7 Конвенции указывает, что ребенок имеет право знать своих родителей и имеет право на их заботу [Конвенция... 2001]. В статье 9 содержится требование создания условий, которые обеспечивают ребенку возможность не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию. Исключения составляют случаи, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в интересах ребенка. В статье 9 Конвенции отмечается, что такое определение может оказаться необходимым в том или ином конкретном случае, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком или не заботятся о нем. Это связано чаще всего с алкоголизмом родителей и неспособностью их заботиться о своем ребенке. Причины, согласно которым ребенок может лишиться семьи, определяет Семейный кодекс РФ, статьи 71–77.

Мы упомянули лишь часть статей Семейного кодекса РФ, регламентирующих правовые отношения семьи. Рассмотрим их формирующее воздействие по отношению к социально-психологическим проблемам детей, лишённых родительского попечительства.

Последствия реализации права для развития ребенка. Для специалистов в социальной сфере – социальных работников, педагогов, психологов, – как и для самого ребенка, бывает очень важно определить, что происходит дальше, после того, как права защищены и ребенок оказывается на попечении государства. Ребенка, лишённого родительского попечительства, помещают в одно из специальных учреждений в зависимости от ситуации (санаторий, клиника, приют) с целью его дальнейшего устройства на постоянное проживание в детский дом, опекунскую или приемную семью или, в случае восстановления родителей в их правах, – возвращения в семью. При этом во многих случаях контакты с родителями прерываются на неопределенный срок, зачастую навсегда.

Подобное событие кардинально изменяет жизнь ребенка. С одной стороны, он получает минимально необходимое материальное обеспечение, про-

фессиональную помощь психолога, но с другой – не только рвутся привычные эмоциональные и социальные связи, но и качественно изменяется ситуация развития, все более обретая черты психической депривации. Если анализировать воспоминания воспитанников интернатных учреждений, то обнаруживается, что изъятие по суду воспринимается ребенком как несправедливость, а помещение в детский дом – как драма всей жизни. Действия взрослых, направленные, казалось бы, на пользу ребенка, оборачиваются новой психологической травмой.

Что же делать, если угроза жизни ребенка в неблагополучной семье реальна, независимо от того, насколько ребенок в состоянии оценить угрозу, исходящую от родителей? Мы полагаем, что если изъятие ребенка из семьи – необходимость, то следует предпринять действия, которые бы не превращали соблюдение прав ребенка в психологическую травму.

Поэтому необходимо обязательное сопровождение судебного процесса специалистом или командой (это может быть как квалифицированный психолог, так и специально подготовленный социальный педагог, специалист по социальной работе, работник органов опеки, ювенальный адвокат), а далее – патронирование ребенка, лишённого семьи, этой же командой специалистов на всех этапах перемещения ребенка из одной инстанции в другую, мониторинг его состояния после определения на постоянное место жительства. Обязательный патронаж судебного процесса группой психологов и педагогов может осуществляться специалистами НКО или специалистами какой-либо государственной организации, при этом важно, чтобы в подобном комплексном сопровождении участвовали профессионалы, прошедшие специализированную подготовку.

Строго говоря, существуют исследования, которые вообще изъятие ребенка из семьи рассматривают в контексте возникновения посттравматических стрессовых нарушений у ребенка [Радина, 2000; Работа... 2001]. Это означает, что комплексное сопровождение помогает справиться с травмой лишения семьи, однако сам факт потери семьи и родителей надолго остается важнейшим стрессогенным элементом биографии социального сироты.

Кроме того, мы полагаем, стоит внимательно отнестись к поиску «неинтернатских» форм содержания детей, лишённых родительского попечительства (в частности, развитие патронатных, или фостерных, семей) [см., например: Зарецкий, Дубровская и др., 2002].

Еще одна, на наш взгляд, важная психологическая проблема применения Семейного кодекса – тайна усыновления / удочерения. Отдавая должное юридическим сторонам данного явления, стоит определить психологическую позицию в отношении этого вопроса. Согласно обыденному мышлению, родительство ценно именно кровно-родственными связями, поэтому при усыновлении / удочерении потенциальные родители желают сделать все возможное, чтобы у окружающих, а также у усыновляемых

детей, поддерживать иллюзию кровного родства детей и родителей.

Подобная точка зрения во многих странах считается сегодня устаревшей. По нашему мнению, стоит рассказать приемному ребенку историю его усыновления / удочерения по ряду причин. Прежде всего для того, чтобы укрепить отношения с приемными родителями (приемное родительство – особенное, поскольку оно не случайное, как биологическое, а сознательное: «мы выбрали именно тебя»). Кроме того, откровенный рассказ в дальнейшем может обезопасить родителей от действий лиц, желающих «выдать» тайну. В некоторых случаях, вырастая, дети начинают искать своих биологических родителей, и если приемные родители препятствуют этому, может возникнуть конфликт. Дети имеют право знать свою историю, и в свое время, в зависимости от возраста ребенка, получить соответствующую информацию. Всех детей волнует их прошлое, а некоторые ребята не интересуются своим происхождением, чтобы укрыться от боли, которую они испытывают [К новой семье, 2002].

Для того чтобы родители рассмотрели возможность открытого разговора о проблемах приемного родительства, необходима просветительская работа, включающая анализ построения отношений родителей с ребенком, основанных на доверии и взаимном уважении. Чтобы построить продуктивный разговор и предупредить возможные негативные реакции родителей и детей, мы рекомендуем использовать технологии, разработанные в русле гуманистического подхода в психологии, представленные в целом ряде научно-методических разработок [см., например: Гиппенрейтер, 1995; Байярд и Байярд, 1991], а также опыт деятельности групп поддержки приемных родителей за рубежом и в России [см., например: К новой семье, 2002].

Психологически грамотное конструирование родительских отношений с приемным ребенком позволит предупредить негативные последствия действия правовой нормы «тайны усыновления / удочерения».

Итак, мы видим, что позитивные результаты при реализации прав детей возможны в том случае, если правовые действия согласуются с разнообразными потребностями детей в развитии. Поэтому, на наш взгляд, сотрудничество юристов и психологов, педагогов и специалистов социальной работы необходимо, особенно когда речь заходит о соблюдении интересов и прав ребенка. Это сотрудничество может существовать и на этапе создания и обновления правовой базы, а также в момент реализации права. В любом случае подобное взаимодействие будет чрезвычайно плодотворно для развития детей, особенно для тех, кто оказался лишен связей с биологической семьей.

Список литературы

Байбородова Л. В., Жедунова Л. Г., Посысов О. Н., Рожков М. И. Преодоление трудностей социализации детей-сирот. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та, 1997.

- Байярд Р., Байярд Дж.* Мой беспокойный подросток. М.: Просвещение, 1991.
- Баскакова М. Е.* Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая Е. О.* Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Бороноев А. О., Смирнов П. И.* Российский менталитет и реформы // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 274–303.
- Гиппенрейтер Ю. Б.* Общаться с ребенком: как? М.: Просвещение, 1995.
- Дейнека О. С.* Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 442–475.
- Зарецкий В. К., Дубровская М. О., Ослон В. Н., Холмогорова А. Б.* Пути решения проблемы сиротства в России. М.: ООО «Вопросы психологии», 2002.
- Ильин В. И.* Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
- К новой семье.* Проект содействия развитию семейных форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. М.: РБФ «Приют детства», 2002 // <http://innewfamily.narod.ru/menu2/3whyDontSay.htm>.
- Кидис А.* ГУВД пытается решить проблемы отцов и детей // Известия. 2004. 7 февр. С. 7.
- Конвенция о правах ребенка и ее реализация в современной России.* М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001.
- Лебедев О. Е., Майоров А. Н., Чепурных Е. Е., Золотухина В. И., Семья Г. В.* Социализация и образование социальных сирот. Адаптация выпускников интернатных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей / Под ред. А. Н. Майорова. М.: «Интеллект-центр», 2002.
- Назарова И. Б.* Адаптация и возможные модели мобильности сирот. М.: Моск. обществ.-науч. фонд, 2000.
- Остановим насилие.* Опыт работы Иркутского кризисного центра / Под общ. ред. И. Я. Шевцовой, Л. П. Свистуновой. Иркутск: ИрГТУ, 2000.
- Работа Детского дома № 19 г. Москвы как уполномоченной службы органов опеки и попечительства.* М.: БФРГТЗ «Слово», 2001.
- Радина Н. К.* Изучение самопринятия у детей, воспитывающихся в закрытых детских учреждениях и в семье // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 23–34.
- Радина Н. К.* Некоторые особенности формирования Я-концепции у детей в условиях депривации детско-родительских отношений // Шестилетние дети. Проблемы и исследования. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1993. С. 117–123.
- Радина Н. К.* Perception of Local Authorities in the Russian Province: the Nizhniy Novgorod Region (восприятие местной власти в российской провинции: Нижегородская область) // Тезисы докладов Второй международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций». М.: Изд-во Ин-та Африки РАН, 2002. С. 138–139.
- Ржаницина Л. С.* Гендерный бюджет. М.: Гелиос АРВ, 2002.
- Семья Г. В., Боровик В. Г., Семикина Т. В., Беляков В. В., Ряблова Л. П.* Справочник директора образовательного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Под общ. ред. Г. В. Семья. М.: Полиграф-сервис, 2002.

Социальная защита детства. Сборник нормативно-методических документов по вопросу передачи детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью / Под ред. Л. К. Селявиной. М.: СИМС, 1998.

Якимец В. Н. Взаимные ожидания некоммерческих организаций (НКО), государства и бизнеса // Механизмы взаимодействия некоммерческих организаций, государства и бизнес-сектора в регионах России: состояние, проблемы и перспективы. М.: Ин-т системного анализа РАН, 1999.

Lynn R. The Secret of Miracle Economy: Different national attitudes to competitiveness and money. London, 1991.

Надежда Константиновна Радина
к. п. н., доцент кафедры
возрастной педагогической психологии,
Нижегородский государственный педагогический университет

электронная почта: rasv3@uic.nnov.ru
